

СЛОВО О ТВОЕМ НАСТАВНИКЕ

Началось с того, что, случайно попав на один из вечеров Тбилисской городской олимпиады школьников, мы сразу и безоговорочно отметили в общем потоке поющих и пляшущих талантов пять или шесть номеров, в которых было немало умения петь и плясать, но еще больше — нерепетированных прорывов в собственный возраст, и больше азарта и удовольствия, чем выучки. И среди них две хореографические сценки, хоть и поставленные в разные концы программы, но явно объединенные чем-то.

Как бы это сказать — вот в других случаях вы смотрели «номера» — отработанный комплекс движений, сюжет, композицию, вы смотрели «выступления», а здесь можно было просто наблюдать за детьми, для которых этот танец столь же естественная и радостная стихия существования, как беготня на перемене или прогулка в лесу. И в силу этой полноты жизни немудреные таяневальные сценки приносили вам еще и эстетическую радость.

Вясынилось, что объединяла эти номера рука одного балетмейстера — постановщика — Ольги Владимировны Забукидзе.

Рисовалась она — по работе своей — молодой, чуть ли не девичьей, человеком, чьего оптимизма и легкого дыхания еще не отягчили опыт и жизненные невзгоды. И еще работа ее выгодно от-

личалась от многих нетрадиционным, ярко современным рисунком, хореографической свежестью, которая не часто проникает на самодеятельную сцену. Это тоже заставляло предполагать молодость и даже юность.

А оказалось — спустя короткое время после того вечера коллеги и друзья справляли двойной юбилей — 70-летие жизненного пути и 50-летие творческой деятельности Ольги Владимировны Забукидзе, заслуженного деятеля искусств Аджарской АССР.

Но на другое же утро после юбиля она, как всегда, с запоздалым удивлением застала себя бегущей по улице — в свой Дом культуры имени Плеханова. И так же естественно для нее и сейчас сказать о 15-летней девочке: это мой лучший друг. Или, оправляясь после болезни,

торое привычно связывается с молодостью.

Но 50 лет работы все-таки были. И это стоит вспомнить не только для полноты биографии.

В самой перенасыщенной и беспокойной жизни бывают годы особого свойства, наивысшего напряжения, такой зенит самовыявления человека. Не всем дано вспоминать о них с чувством, не замутненным горечью или самоукором. Но если дано — значит, это годы наивысшего счастья. Так вспоминает сейчас Ольга Владимировна Забукидзе военные годы и свою работу в Батуми, и так именно она их прожила — на пределе сил и с постоянным ощущением счастья, как ни плохо вяжется слово это с войной.

столько же искренними, сколько и простодушными, с ее нескрываемой жаждой подвига и героизма и совсем детской завистью к фронтовикам. В порт заходили иногда корабли действующего флота, и, плененная крепкими рукопожатиями капитанов, да еще флотским блеском, сиянием орудий и флотским борщом, бригада ждала этих поездов как праздника. И они все научились держаться героями во время вражеских налетов и вырять в трюмы с поспешностью не большей и не меньшей, чем положено. И так они жили — сочиняли стихи, шили из старья фантастические костюмы, ездили к бойцам и устраивали праздники для городской детворы. И между прочим, не было среди них ни одного, кто бы не успевал в школе. И если во всем рассказанном

ВЫ НАУЧИЛИ НАС...

уже зажить новой идеей: есть у одного знакомого художника отличные карикатуры, остро характерные рисунки, вот бы интересно положить их на танец — надоело затапанные темы, а тут еще сколько новых возможностей в пластике... И так же естественно для нее и сейчас тратить безоглядно и безбоязненно душевные силы на каждую очередную Ниночку, которой детское тщеславие позволяет сегодня растолкать подруг, чтобы встать впереди во всей красе, а завтра, если не остановит, и кое-что посерьезнее позволит...

Словом, как ни банален такой поворот — в свои 70 лет Ольга Владимировна действительно молода, полна оптимизма и любопытства к людям и событиям, и у нее действительно то легкое дыхание в жизни и работе, ко-

Называлась — детский коллектив художественной самодеятельности при Батумском гарнизонном Доме офицеров. А было одним живым существом — и только количество труда, бед и радости было для него помножено многократно. Агитбригада Забукидзе стягивалась по сигналу в одно мгновение, она снималась с репетиции, и, на ходу оправля последнюю сводку с фронта в звонкую и наивную формулу четверостишия, сбивалась по грузовикам — путь бывал неблизким, вплоть до Абастумани. Вплоть до Абастумани не осталось ни одного госпиталя в воинской части, не знакомых с батумской «бригадой Забукидзе», с ее зажигательными чтедами, танцорами и певцами, с ее самодельными монтажами,

выше заслуга Забукидзе и так ясна, то тут ее надо говорить особо. Потому что она учила не плясать, не петь и не читать стихи (хоть это и получилось у нее отлично). — а быть человеком. Она учила и готовила их быть человеком для людей, а для этого открыть и воспитать в себе большее, на что способен каждый. Она требовала этого. Ей говорили — не требуй от каждого чуда, а она не боялась издержек — здесь и издержки были в пользу. Требования ее, казалось, были элементарны — касались они успехов в школе, отношений с друзьями, мелких повседневных поступков. Но эта профилактика помогла ей расчистить место и вырастить в своих детях большие чувства — добра, справедливости, красоты. «Вы научили

нас понимать и любить кратоту слова, философию музыки, пленительную прелесть танца». — напишут ей через много лет из Ленинграда бывшие воспитанники, сегодня крупные инженеры-химики. Она никогда не добивалась наставить всех своих ребят на путь искусства, но чувством прекрасного, равно как и высоким человеческим достоинством, снабдила в дорогу всех. И тогда, и потом, в послевоенные годы, и в Батуми, где она прогрудилась 20 лет в школах, и позднее в Тбилиси, когда работа пошла уже в условиях спокойных и просто, на военный взгляд, удивительных, не было для нее задачи выше и прекрасней.

Это ее личное понимание детской самодеятельности: не короткий и бурный приступ к олимпиаде, а день за днем и год за годом — воспитание прекрасного в маленьком человеке. Потому, наверное, ей и в формальном смысле удается больше: в Батуми, а потом и в Тбилиси она ставила не только монтажи и сценки, но и целые детские оперы, балеты, спектакли-сказки, и не было, кажется, в последние годы олимпиады, где бы воспитанники Забукидзе не заняли призовых мест. Хореографический кружок Дома культуры им. Плеханова и самодеятельность 37-й тбилисской школы, где она уже много лет работает на общественных началах, обязаны ей решительно всем. А это «все» оценить трудно. Разве что ее собственной памятью, в которой не осталась пустых мест, а все занято «своими детьми». Разве что письмами и приездами «бывших», которые обросли семьями и, таким образом, еще прибавили ей близких людей. А рядом с памятью постоянно живет ожидание новых, будущих — она не говорит «детей», а всегда — «друзей».

Нет, видно, все-таки отсюда и идут все проблемы самодеятельности — от человека. Как, впрочем, и всего на свете.

Т. ЧАНТУРИЯ.